

Ю.М. Резник

ФИЛОСОФИЯ ИНОГО И ИНОЕ В ФИЛОСОФИИ (тезисы)

1. К философии иного

1. Я не буду обращаться сегодня к историко-философской традиции исследования проблемы иного. Могу отметить лишь, что в экзистенциально-диалогическом направлении философии бытие человека (экзистенция) рассматривается в категориях *со-бытия* (диалога или экзистенциальной коммуникации) и *инобытия* (трансценденции). Встреча с Другим и открытие себя в Другом дополняется в диалоге встречей с Иным, которое коренится в мировой культуре (всеобщем, объективно-идеальном) или трансцендентном (божественном).

Попытаюсь сформулировать собственное понимание проблемы. Сравнительно недавно вышла моя монография «Феноменология человека. бытие возможного» (М., 2017). Её цель – не только расширение наших представлений о возможных мирах человека и путях их формирования, но и создание контуров проекта бытия (онтопроекта), который вырастает из экзистенциального опыта и толкования *иного* как бытия потенциально-должного в человеке, непроявленного вовне, в мир наличного бытия.

2. На мой взгляд, «*иное*» («инобытие») – центральное понятие анализа человеческого бытия, имеющее в философской литературе целый ряд значений. Иное рассматривается сквозь призму категории возможность. Как известно, Г. Гегель определяет возможность как рефлексированную в себя действительность, отрицательное в ней. Она «есть нечто недостаточное, указывает на иное, на действительность, и восполняет себя в ней»¹. Это – «некоторое существование», выведенное из действительности и положенное вовне как то, что ещё не сбылось, а лишь предполагается². Иное же анализируется им как неограниченное сущее, устремлённое в бесконечность. Оно характеризует собой «середицу, связывающую наличное бытие с сущностью...»³.

Для Э. Левинаса иное – это буферная зона между бытием и небытием, которая характеризуется освобождением «Я» от всего внешнего в нём или привнесённого извне. Среди направленных интенциональных состояний у человека остается, по Левинасу, лишь одно метафизическое желание, близкое по сути к пониманию трансцендентного.

Приведу несколько тезисов, поясняющих моё понимание иного в бытии человека, в т.ч. в моём собственном.

Во-первых, *иное* есть то, что отличается от конкретно-сущего человека, данного ему в ощущениях. Иное можно мыслить лишь абстрактным образом или постигать умозрительно. Это – то, что указывает нам на непроявленную

¹ Гегель Г.В.Ф. Наука логики. В 3-х т. Т. 2. – М.: «Мысль», 1971. – С. 188.

² Там же. – С. 189.

³ Там же. – С. 26.

тенденцию бытия, то, чему предстоит свершиться и воплотиться в новом существе. Оно ещё не явило себя человеку в полной мере или в чётком обличье, но уже напоминает о приближении чего-то по едва уловимым признакам. В нём слышится не только «зов бытия», о котором писал М. Хайдеггер, но и дыхание будущего.

Во-вторых, *иное*, будучи возможно-сущим, переживается и мыслится субъектом как значимое иное, т.е. как то, чем оно может быть для него в потенции. Оно проявляется вначале как видимость (бытие-как-возможно-видимое) или кажимость (бытие-как-бы-возможное). Поэтому данный субъект имеет дело на феноменальном уровне не с вещами и явлениями как таковыми, а с их весьма приблизительными копиями (проекциями возможного бытия). Вместе с тем «возможность есть тогда, когда вместо того, чтобы просто быть тем, чем я являюсь, я выступаю в качестве права быть тем, чем я не являюсь... Таким образом, чтобы существовало возможное, необходимо, чтобы человеческая реальность, поскольку она является сама собой, была бы чем-то другим, нежели она сама»⁴.

В-третьих, чтобы постичь *иное*, необходимо осуществить реконструкцию латентных уровней феноменального поля человеческого бытия как феноменов объективно-возможного («оность», «чтойность») и субъективно-возможного (самость, «ктойность»). И, наконец, на следующем, заключительном этапе анализа следует рассмотреть трансцендентальное поле бытия человека посредством критериев потенциально-должного, дифференцированного на бытие-возможного-на-пределе-самого-себя и/или истинно-сущего бытия (человечность, аутентичность), с одной стороны, и бытие-возможного-за-пределами-самого-себя и/или бытия потенциально-должного (сверхчеловечность, трансперсональность), с другой. В последнем случае инобытие человека характеризуется человечностью как истинно-сущим, а затем сверхчеловечностью, восходящей к миру трансцендентного (миру объективных идей, Абсолюту и пр.).

Таким образом, человек мыслит и проектирует иное в бытии своего возможно-сущего из двух истоков – экзистенциального и трансцендентного. Как вопрошающее и волящее существо (кто-бытие) он мыслит себя в свободе, рассматривая своё иное как само-единое и собственно человеческое в нём (истинно-сущее). Находясь же в других мирах и будучи много-единым, человек испытывает недостаток элементов бытия. Как существо, имеющее трансцендентный опыт и способное трансцендировать единое, он не только постигает, но и преобразует иное как сущее, обладающее свойствами объективно-возможного или абсолютно-сущего, т.е. «сверхчеловеческого» в нём.

3. К сущностным характеристикам бытия *иного* я отношу, прежде всего, свободу духа как свойство человеческого сознания, благодаря

⁴ Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. – М.: Республика, 2000. – С. 131.

которому оно постигает и преобразует себя и своё бытие как возможность инобытия, бытия-за-пределами-самого-себя. У Ж.-П. Сартра инобытие связано с освобождением человека, обретением им свободы и великодушия. Человек получает шанс стать Иным, не приспособиваясь к бытию, а преодолевая его пределы. И этот шанс связан с проявлением великодушия, которое позволяет ему оставаться самим собой и шаг за шагом обретать свободу. Только великодушный человек может быть свободным.

Вместе с тем предвосхищение инобытия есть возможность продления жизни. М. Хайдеггер объясняет это так: человек в отношении своей смерти наличествует и ведет себя подобно камням, растениям или животным. Его существование в этом плане трудно назвать человеческим. Только в подлинном бытии время замедляется, становится более концентрированным и «тягучим». Постановка самобытия означает «сжатие» времени и обращение к вечности.

4. В метафизическом плане онтопроект актуализирует возможности человека стать *иным*, обрести инобытие, а тем самым исполнить собственное человеческое предназначение в мире (реализовать возможность бытия истинно-сущего) или возвыситься над ним и «войти в вечность» (возможность абсолютного бытия). И это главная задача, которую человек реализует в своём онтопроекте. Но для этого он должен изменить себя (но не изменить себе) в определенной временной перспективе, причем изменить по сути, а не по форме, сообразуясь с чем-то большим, чем он сам. В этом заключается смысл трансцендирования человека как его сознательного и творческого приобщения к сфере трансцендентного.

Человек «создает себя лишь постольку, поскольку он улавливает что-то иное; он познает себя постольку, поскольку познает что-то иное и мыслит о чем-то ином; он доверяет себе постольку, поскольку доверяет чему-то иному, а именно трансцендентности. Следовательно, природа человека определяется тем, что он знает и во что верит»⁵. Следовательно, человек есть то, чем он может стать в соответствии с представлением о трансцендентном. Трансцендирование есть способ актуализации будущего (выход за пределы самого себя в мир иного).

Еще раз повторяю, что сущность человека можно понять лишь в его становлении, т.е. как бытие самоконструирующегося субъекта, стремящегося преодолеть границы доступных ему миров и обрести инобытие, выйти за пределы существующих возможностей и стать иным. «Становление означает, что ничто не остаётся ничем, а переходит в своё иное, в бытие»⁶.

Онтопроект – это поставленность или предпосланность бытия человека, ориентированного на тот или иной путь обретения свободы.

⁵ См.: Гуревич П.С. Неисчерпаемость антропологического опыта // http://iph.ras.ru/uplfile/root/biblio/spectr/spectr_1/1.pdf. (обращение – 30.07.2014; С. 11).

⁶ Гегель Г.В.Ф. Наука логики. В 3-х т. Т. 1. – М.: «Мысль», 1970. – С. 142.

Именно на проектном подходе в философии лежит миссия *постановки иного будущего человека*. Человек, проектирующий своё бытие как иное (инобытие), опережает собственное время и заглядывает в будущее, которое может не наступить или быть для него всякий раз другим. Я называю такого человека субъектом инобытия (или «иным»), формирующим образ будущего как возможного иного и возможно-единого для себя, а также перестраивающим своё бытие в направлении «бытия-впереди-самого-себя», о котором размышлял Ж.-П. Сартр.

Далее следует представить разные образы инобытия человека как воплощения его человечности. Это – собственно экзистенциальный проект (иное в человеке мыслится как «истинная человечность»), проект миро-бытия (под иным здесь подразумевается «мирская» человечность), проект со-бытия «Я – другой» (иное – межчеловечность) и, наконец, трансперсональный проект (иное – метачеловечность или сверхчеловечность).

5. Итак, суть философствования состоит, с одной стороны, в личностном (мотивированном и ответственном) обращении человека к миру как целому, содержащему в себе смыслы надличностного существования, а с другой – в свободном поиске образа возможного самобытия, открытого для восприятия *иного*. Поэтому философ, ориентированный на раскрытие творческих возможностей бытия, как своего собственного, так и бытия Другого, не только видит, но и приближает определенную перспективу будущего, увлекая за собой других людей и побуждая их к проектному действию. «... И это будущее, – как подчеркивает Ж.-П. Сартр, – проникает в душу каждого как реальная мотивация его поступков»⁷. Оно рассматривается философом как индивидуальная возможность инобытия, которую он обретает вместе с другими людьми как с равно-сущими.

Другими словами, философ обязан найти в лабиринтах бытия свой путь к иному. Ведь философия во многом и есть способ осмысления инобытия человека, повернутого на него самого. Поэтому она является его интеллектуальным движением к самому себе (движением от себя прежнего к себе иному), выступая вместе с тем в качестве проектного образца для других людей.

2. Немного об ином в «моей» философии

1. Вторая подтема сегодняшней беседы («Иное в философии»), которую я заявил, слишком ответственна, чтобы дать по ней развернутое обоснование. И поэтому мне придется ограничиться лишь одним аспектом – представлением об ином в моих собственных философских штудиях.

Ведь у каждого человека есть своя философия. Имеется она и у меня. Под «моей» философией я понимаю особую экзистенциальную практику, направленную на постижение и разрешение смысложизненных вопросов,

⁷ Сартр Ж.-П. Проблемы метода: пер. с фр. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1994. – С. 119.

которые встают на моём жизненном пути. И это – не обязательно академическая философия, институционально привязывающая меня к месту работы. «Моя» философия есть рефлексивное и рефлексирующее выражение собственных оснований бытия. Это – то, ради чего я живу и на чем «стоит» мой жизненный мир.

Философия сопровождает нас по жизни, являясь путеводителем или, как сказал один из моих коллег, навигатором в ориентировании во всей совокупности бытия. Это одновременно наше главное дело жизни и профессиональное призвание. И всё же существуют «закоулки» в наших философских размышлениях, которые мы редко открываем другим людям. И это – *иное* в нашей философии, сокрытое в глубине души. Иным, как это не парадоксально звучит, выступает сама жизнь. Она не укладывается в философские обобщения и стремится всякий раз вырваться в наружу. Вместе с тем философия стремится познать иное и «внутри» жизни.

У каждого человека, «работающего» (а точнее – «живущего») в философии, сложился свой подход или метод. Мой подход заключается в рефлексирующей персонификации философских занятий или встреч, максимальном приближении к личности тех, кто занимается философией не столько как профессией, а сколько «для души». Меня всегда волнуют то, что есть философия для того или иного человека и как она ему помогает жить. Этому посвящено большинство моих встреч и интервью с коллегами. Ведь часто профессионалы оказываются «сапожниками без сапог». И я стараюсь поместить себя в рефлексивную ситуацию, увидеть другого философа (классика или современника) и его жизненный мир своими глазами, а себя и свой жизненный мир – его глазами.

Поверьте, это очень полезное и интересное занятие.

2. Прежде чем говорить об *ином* в «моей» философии, поясню вначале, что я понимаю под *иным* в своей жизни. Для меня это – всё то, что выходит за рамки моего обыденного и социально упорядоченного опыта. Причем иным я называю не что-то неупорядоченное и неустойчивое, а просто другой, интуитивно постигаемый порядок бытия. В этом смысле иным является то событие или процесс в нашей жизни, которые находятся за пределами привычного и обыденного. При этом иное символизирует не столько «праздник жизни», т.е. нечто необычное и экстраординарное, радующее нас своей свежестью и новизной, а сколько то, что не явлено нам в бытии, проступает в нём как березовый сок на деревьях. Восприятие иного сопровождается творческими муками и ожиданием перемен, предвкушением нового.

3. *Иное* выражается, в частности, в виде личных принципов как наиболее общих установок, которые формируются не в соответствии с принятыми социальными нормами, а чаще всего вопреки им. В них сконцентрирован наш экзистенциальный опыт.

Мои принципы, которым я стараюсь соответствовать в построении «моей» философии как иного опыта и знания, таковы.

– *Следуй своей интуиции в повседневных ситуациях.* Она зачастую проявляется в виде голоса совести, который редко сбивает с верного пути. Эмоции застилают глаза, а совесть как внутренний камертон – почти всегда указывает нам правильный ориентир. Интуиция никогда меня не подводила, хотя я не всегда следовал её зову. И именно она подсказывает мне путь к *иному* в жизни и философии.

– *Делай то, что у тебя лучше всего получается.* Каждый из нас стремится реализовать свой личностный потенциал. Правда, мы не всегда отдаем себе отчет в том, что является нашим жизненным или профессиональным призванием, пытаюсь соответствовать внешним требованиям и подстраиваясь под обстоятельства. Так, иной незадачливый инженер не всегда понимает, что из него получился бы хороший водитель-дальнобойщик.

Мне приходится совмещать в своей жизни разные виды деятельности. В ней очень много организационной суеты, что, возможно, сказывается на качестве работы. Ведь говорят, что многознание уму не научает. Можно предположить, что и многоделание не способствует продвижению одного, самого важного проекта в нашей жизни. *Иное* в моих философских занятиях зачастую становится не основным делом, а побочным эффектом, своего рода хобби. Так, например, случилось с моим недавним увлечением философией кота Кузи. «Диалоги» с ним стали неожиданным результатом моей деятельности, который воплотился столь же неожиданно в книжке.

– *Совершай каждый день хотя бы один поступок.* Это то, что требует от тебя полного напряжения сил и преодоления множества препятствий. Поступок есть приближение к идеалу, воплощенному в *ином*. И в отличие от большинства повседневных дел он совершается, а не случается. С нами много чего в жизни случается. А поступки мы совершаем редко.

Далеко не всё сделанное нами становится поступками. И ими являются лишь те события, которые выбиваются из колеи повседневных дел и требует от нас дополнительных усилий. Ими могут быть, например, наши встречи с близкими по духу людьми, которые мы бесконечно откладываем, события, которые способствуют успеху наших детей, наши книги, выход которых мы с таким нетерпением ждем.

Лично для меня таким поступком является также выпуск каждого тома журнала «Личность. Культура. Общество» или альманаха «Вопросы социальной теории». И эти поступки можно легко измерить. За двадцать лет вышло 104 номера журнала и 11 томов альманаха. Можно предположить, что именно столько поступков я совершил. Труднее счесть количество конференций, симпозиумов, семинаров и круглых столов, не считая заседаний редколлегии журнала и авторских коллективов коллективных монографий. Их наберется уже не одна сотня. Сюда можно причислить и количество моих научных публикаций, которое перевалило за 300. Конечно, не все из них я считаю настоящими поступками. Но здесь уже судить не мне, а моим коллегам и читателям.

– *Не стоит бороться за место под солнцем там, где уже и без тебя много желающих. Найди или создай себе другую площадку, где от тебя будет зависеть что-то важное.* В этом и состоит, на мой взгляд, практический путь к *иному* – найти то, что другие не делают или не могут делать так, как ты. Такой площадкой я считаю, например, журнал «Личность. Культура. Общество», который на протяжении двадцати лет демонстрировал командный дух работы. А ведь это время жизни целого поколения. Несмотря на человеческие потери, нам удалось сохранить ядро редколлегии.

В зале находится как раз те люди, которые стояли у истоков становления журнала. Это – Вячеслав Вячеславович Щербина, Владимир Геннадьевич Николаев, Николай Александрович Степанов, Александр Бенционович Гофман, Зара Михайловна Саралиева, Максим Викторович Николаев, Лев Станиславович Перепелкин и др. Позже к ним присоединились Александр Леонидович Никифоров, Адриан Михайлович Бекарев, Мадина Владимировна Тлостанова, Яков Иосифович Свирский, Юрий Дмитриевич Гранин, Владимир Николаевич Шевченко, Константин Семенович Пигров, Илья Игоревич Докучаев, Татьяна Владимировна Бернюкевич и др. Именно им я в первую очередь обязан тому, что журнал до сих пор издается. Поступки совершаются конкретным человеком, но они становятся событиями для других людей лишь в том случае, если последние вовлечены в них всерьез и надолго. Поэтому я научился ценить тех людей, которые вдохновляют меня на поступки.

4. *Иным* я считаю также конструирование воображаемых философских бесед со своим котом Кузей. Этот жанр отнюдь не нов, и я не могу назвать себя его первооткрывателем. Не буду повторять высказанные в книге суждения о том, что о котах писали и размышляли многие философы и писатели прошлого или приводить их размышления. Мой скромный вклад в разработку темы заключается в использовании диалога с реальным или виртуальным котом. Кот оказался не просто оригинальным мыслителем, но и интересным собеседником, побуждающим к размышлениям. Да и мысли, которые я приписал ему, могли бы быть высказаны при разных обстоятельствах любым думающим существом.

Уважаемые коллеги! В предлагаемой вашему вниманию книге я отмечаю, что обсуждение в группе, которую я организовал в Фейсбуке, лишено подтекстов «ухода за котами», «кототерапии» или «выставки котов». Я обратился к некоторым философским сюжетам, навеянным общением с моим любимцем. Не знаю, кто из нас больше повлиял друг на друга. Но, если отвлечься от юмора, то могу сказать, что влияние Кузи на моё отношение к жизни оказалось весьма глубоким. Он меня многому научил. Научил своими повадками, играми и, главное, – своим выразительным взглядом, полным укора в минуты переживания обид или непонимания в случае неточных по смыслу высказываний с моей стороны. Он очень многое мне «говорил» своим взглядом. Нужно было только внимательно смотреть в его зеленые глаза и вовремя распознавать то, что он хочет донести.

Всё, что написано от имени Кузи в предлагаемой вашему вниманию книге я прочитал не только в его глазах и жестах. Иным здесь является и то, что Кузя мне передавал мысленно. И вот здесь у читателей или слушателей должна появиться на лице снисходительная улыбка, в которой сквозит вопрос: «Ну да, так уж и передавал? А не выдумал ли ты всё это сам, братец?». Не хочу показаться странным, но когда я пытался представить себя на месте Кузи, то во мне каждый раз возникал какой-то «внутренний голос», который мне наговаривал тот или иной текст. Почему бы мне это не мог говорить сам Кузя? Вполне мог, если бы был говорящим котом. И не стоит меня подозревать в раздвоении личности, я делал это вполне сознательно. Никакой мистики. Такое могло быть при определенных обстоятельствах. Почему бы и нет? А если кому-то проще воспринимать это как философскую сказку, то пусть так и будет.

И почему же я считаю книгу о философии кота Кузи проявлением иного в философии? Потому что большинство лиц, работающих в области философии, убеждены, что только они являются философами. Во-первых, потому, что они – люди, а во-вторых, потому, что у них есть базовое образование и т.д. и т.п. И, наконец, в-третьих, потому, что феномен философии порожден якобы человеческим сознанием. С этой точки зрения, философия – территория людей, способных заниматься этим высокоинтеллектуальным трудом. А кот-философ – это нонсенс или, в крайнем случае, художественный персонаж, не существующий в реальности. И любой ревностный блюститель философии, отстаивающий идентичность своей профессии, настоял бы на том, чтобы присвоить «учению» кота другое название (например, «котософия»).

Думаю, что было бы точнее отнести кота-философа к виртуальным субъектам. Как известно, виртуальность (лат. *virtualis* – возможный) характеризует объект (субъект или состояние), который реально не существует, но может возникнуть при определённых условиях. Чаще всего понятие «виртуальное» исследователи относят к характеристикам сознания субъекта. Это то, что может быть, но пока не существует в реальности. Следовательно, виртуальный субъект является лишь плодом воображения или восприятия кого-либо. Почему бы ему не быть в моём собственном сознании? Если для меня существует кот-философ в обличьи Кузи, то опять же почему бы этим знанием не поделиться с моими читателями? А там уж пусть они оценивают реальность или виртуальность его существования.

Итак, философ Кузя – вполне себе виртуальный субъект, от имени которого идёт изложение некоторой совокупности философских и околофилософских взглядов. Является ли он феноменом иного в философии? В традиционной философии или же той философии, которую называют академической или профессиональной, нет. В философии для любознательных – может быть. Ведь философию можно постигать по-разному. Почему бы не использовать для этой благородной цели образ кота-философа? К тому же о

реальном существовании многих философов далекого прошлого мы знаем также лишь из отрывочных и не всегда достоверных сведений потомков, изложенных в их философских трудах. Так Платон писал о Сократе, о реальной жизни которого известно немного, в частности из его собственных описаний. Всё давно уже обросло мифами и домыслами. А значит и философ Кузя вполне может существовать, даже если о его существовании в качестве самобытного философа знаю только я один. И не так уж важен его визуальный образ, представленный в виде фотографий на страницах Фейсбука. Важно лишь то, что воплощено в образе кота-философа.

Но как бы мы не называли совокупность взглядов Кузи – философией или котософией, ясно одно. В его котоучении изложены многие необычные мысли, которые невозможно представить в виде научных или иных текстов, выносимых на суд философской общественности. Но они имеют право на существование в популярном жанре.

Надеюсь, что моим уважаемым коллегам и читателям эти мысли будут чем-то полезны.